

ПИРОГОВО... Деревушка на мысу и на двух берегах — онежском и мошинском. Берега пологие, травянистые, с чистыми тропинками от изб к воде. Травы — по пояс, скот на пастбища не гоняют, пасут в самой деревне.

Колодцы в Пирогове не устраивали: кругом вода. Хочешь пить чистую воду, без привкуса — опускай ведро в онежскую струю. Желаясь ощутить настой речных трав — черпай из мошинского потока.

В Ленинграде, в доме номер три по улице имени Дмитрия Фурманова, один из моих пироговских земляков рассказывал:

— Мои родители пили воду из большой реки, и приучил к ней дед Саватий. «Онега — река звонкая, — сказывал дед, — о пороги да быстрину, почитай, за десяти верст от Каргополя до Пирогово вычистилась, осветлилась, родничками облагородилась. Водушка, ребятки, что наты!».

Бывало, придут к деду гости — из соседней Закумixinской (Большого Угла — по прозвищу народному) писатель Чапыгин, то из заонежской Бураково учитель Тимофеев, то — охотник Шарап заглянет, тотчас дед за свой медный самовар хватался, а меня — на реку, за водой. Тропинка до Онеги немного дальше, чем до Моши. Потопишься — зачерпнешь ведро в Моше. Но деда не обманешь. С ковшом стоит, жлет. Попробует — из ковши на тебя плеснет: не ту принес, подай ему онежскую...

Мой собеседник задумался, закурил и продолжал:

— Более сорока лет я, братец мой, живу в Ленинграде, — да простят мою душу грешную земляки, что редко заглядываю в родное Пирогово, — а до сих пор помню онежскую водичку в дедовском самоваре и особенно — пироги! Знаешь, такие узорчатые, с защипом, с такой румяненкой начинкой. Пальчики оближешь!

Страхнул земляк пепел с сигареты и начал, начал, да так задорно и все — про пироги.

А потом рассказывал, как любил пироги его большой друг Алексей Павлович Чапыгин — в то время работавший над «Белым скитом».

— Помню, Чапыгин ел и похваливал: «Лучше наших пироговских пирогов, друг Саватий, во всей Каргопольщине, да што там — в Олонечкой губернии и даже в стольном Питере я не пробовал». Чапыгин вставал из-за стола и низко кланялся моей матери: «Спасибо Вам, хозяйшюха, Анастасия свет Ивановна, за добрые пироги! Такого удовольствия

давно не испытывал. Поэтому и в Пирогово из своего Большого Угла выбрался — к вам, на пироги». Почтенно благодарил мать и учителя. Только Шарап не выходил из-за стола, а Чапыгин стоял поодаль и украдкой на него поглядывал. В то время я думал: писатель задирает аппетит охотника, а позднее, с годами, когда вышел чапыгинский «Белый скит», понял: Алексей Павлович писал своего героя Афоньку Креня с Шарапа — охотник интересовал писателя со всех сторон.

Здесь, в Прионежье, где тихая речушка Моша отдаёт свои воды звенящей Онеге, как свидетельствует пожелтевшая от времени метрическая книга Усть-Мошской церкви, 19 апреля — 2 мая (по новому стилю) 1903 года от брака крестьянина Дмитрия Саватиевича Чуркина с крестьянкой Анастасией Ивановной родился сын, названный Александром.

Подросток Саша — в церковно-приходскую школу на Федовский — Усть-Мошский Погост. Он рядом, за Мошей, оттолкнулся веслом от пироговского

берега — лодка без дальнейших твоих потуг пристанет к погостскому. Течения тут почти нет.

А в пятнадцать мальчишеских лет...
«В юность, в молодость двинуло громом, Ливнем молний, облавой гроз. Я ушел из постылого дома Черной ночью за сорок верст. И меня вместо матери близкой Под уздечку и сабелю звон Мчит в сраженьях артиллерийский Конно-горный дивизион... Мы, голые, и босые. Но свободные: с гордой душой. За Советскую нашу Россию Шли в святой справедливый бой».

В пятнадцать лет Александр Чуркин — красноармеец-доброволец, в шестнадцать — участник боев под станциями Емца и Обозерская. А потом — бой с Врангелем. Почти десять лет служил он в Красной Армии, там и стал пописывать. Как-то командир попросил написать марш. Написал, бойцы пели в строю.

ПИРОГОВО

К 70-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА- ПЕСЕННИКА АЛЕКСАНДРА ЧУРКИНА

Здесь, в Прионежье, где тихая речушка Моша отдаёт свои воды звенящей Онеге, как свидетельствует пожелтевшая от времени метрическая книга Усть-Мошской церкви, 19 апреля — 2 мая (по новому стилю) 1903 года от брака крестьянина Дмитрия Саватиевича Чуркина с крестьянкой Анастасией Ивановной родился сын, названный Александром.

Подросток Саша — в церковно-приходскую школу на Федовский — Усть-Мошский Погост. Он рядом, за Мошей, оттолкнулся веслом от пироговского

берега — лодка без дальнейших твоих потуг пристанет к погостскому. Течения тут почти нет.

А в пятнадцать мальчишеских лет...
«В юность, в молодость двинуло громом, Ливнем молний, облавой гроз. Я ушел из постылого дома Черной ночью за сорок верст. И меня вместо матери близкой Под уздечку и сабелю звон Мчит в сраженьях артиллерийский Конно-горный дивизион... Мы, голые, и босые. Но свободные: с гордой душой. За Советскую нашу Россию Шли в святой справедливый бой».

В пятнадцать лет Александр Чуркин — красноармеец-доброволец, в шестнадцать — участник боев под станциями Емца и Обозерская. А потом — бой с Врангелем. Почти десять лет служил он в Красной Армии, там и стал пописывать. Как-то командир попросил написать марш. Написал, бойцы пели в строю.

Здесь, в Прионежье, где тихая речушка Моша отдаёт свои воды звенящей Онеге, как свидетельствует пожелтевшая от времени метрическая книга Усть-Мошской церкви, 19 апреля — 2 мая (по новому стилю) 1903 года от брака крестьянина Дмитрия Саватиевича Чуркина с крестьянкой Анастасией Ивановной родился сын, названный Александром.

Подросток Саша — в церковно-приходскую школу на Федовский — Усть-Мошский Погост. Он рядом, за Мошей, оттолкнулся веслом от пироговского берега — лодка без дальнейших твоих потуг пристанет к погостскому. Течения тут почти нет.

А в пятнадцать мальчишеских лет...
«В юность, в молодость двинуло громом, Ливнем молний, облавой гроз. Я ушел из постылого дома Черной ночью за сорок верст. И меня вместо матери близкой Под уздечку и сабелю звон Мчит в сраженьях артиллерийский Конно-горный дивизион... Мы, голые, и босые. Но свободные: с гордой душой. За Советскую нашу Россию Шли в святой справедливый бой».

В пятнадцать лет Александр Чуркин — красноармеец-доброволец, в шестнадцать — участник боев под станциями Емца и Обозерская. А потом — бой с Врангелем. Почти десять лет служил он в Красной Армии, там и стал пописывать. Как-то командир попросил написать марш. Написал, бойцы пели в строю.

Здесь, в Прионежье, где тихая речушка Моша отдаёт свои воды звенящей Онеге, как свидетельствует пожелтевшая от времени метрическая книга Усть-Мошской церкви, 19 апреля — 2 мая (по новому стилю) 1903 года от брака крестьянина Дмитрия Саватиевича Чуркина с крестьянкой Анастасией Ивановной родился сын, названный Александром.

Подросток Саша — в церковно-приходскую школу на Федовский — Усть-Мошский Погост. Он рядом, за Мошей, оттолкнулся веслом от пироговского берега — лодка без дальнейших твоих потуг пристанет к погостскому. Течения тут почти нет.

А в пятнадцать мальчишеских лет...
«В юность, в молодость двинуло громом, Ливнем молний, облавой гроз. Я ушел из постылого дома Черной ночью за сорок верст. И меня вместо матери близкой Под уздечку и сабелю звон Мчит в сраженьях артиллерийский Конно-горный дивизион... Мы, голые, и босые. Но свободные: с гордой душой. За Советскую нашу Россию Шли в святой справедливый бой».

В пятнадцать лет Александр Чуркин — красноармеец-доброволец, в шестнадцать — участник боев под станциями Емца и Обозерская. А потом — бой с Врангелем. Почти десять лет служил он в Красной Армии, там и стал пописывать. Как-то командир попросил написать марш. Написал, бойцы пели в строю.

Близкое участие в его судьбе принял А. Чапыгин. Александр Чуркин стал сотрудником ленинградского журнала «Резец». Радовался Чапыгин, когда в 1931 году в Гослитиздате вышла первая чуркинская

книга стихов «Выход весны», многие из которых обрели крылья песен («Мой конь буланый», «Казачья песня» и другие).

Хорошо сказал о Чуркине замечательный советский поэт, лауреат Ленинской премии Александр Прокофьев. «Кажется, простое дело — песня, а сложить ее не легко. Для нее нужен особый песенный дар, и таким даром Александр Чуркин обладает. Родом он с Онеги, стороны северной, песенной, былинной. С далекого детства песня запала ему в душу, и, повинаясь ее всепокоряющей силе, он сам стал слождать песни. И его стихи-песни пошли по России, по ее раздольям, по Советскому Союзу и за рубеж... Народ подлюбил их, и в этом большое счастье поэта и его заслуга перед страной. Песни А. Чуркина крылаты».

За песенные заслуги перед Родиной в день 50-летия Александр Дмитриевич Чуркин был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

— О чем бы я ни писал, — признавался Александр Дмитриевич, — в сердце моем всегда родной Север.

А. МОШНИКОВ.

д. Пирогово.
Плесецкий район.

На снимке: А. Д. Чуркин (слева) с В. П. Соловьевым-Седым на даче композитора под Ленинградом.